

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ КРУГА СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Ю. С. Караваева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Пермь)*

ON THE NEED TO EXPAND THE RANGE OF SUBJECTS OF CRIMINALLY PUNISHABLE NON-FULFILLMENT OF DUTIES FOR THE UPBRINGING OF A MINOR

Yu. S. Karavaeva

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Perm)

Аннотация: в условиях активного уголовного законотворчества особое значение приобретает критико-правовой метод оценки как новелл закона, так и положений, изменениям не подвергавшихся. Необходимость критической оценки последних вызвана динамикой социальной жизни, адекватное отражение которой образует суть требования социальной обусловленности, предъявляемого к праву вообще и к уголовному праву в частности. Особенное значение при этом приобретают возможности междисциплинарного и межотраслевого подхода. Так, констатируемая социологами трансформация института современной семьи не учитывается законодателем, продолжающим ориентироваться на модель семьи нуклеарной, «традиционной», в том числе в целях уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних. Об этом свидетельствует, например, круг субъектов неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителями и иными лицами, на которых данная обязанность возложена в установленном законом порядке. За его пределами остаются лица, фактически исполняющие обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, к которым относятся другие родственники и лица, состоящие в отношениях свойства с потерпевшим или не состоящие в таковых. В целях преодоления обозначенного пробела ст. 156 УК РФ предлагается использование термина «фактическое воспитание».

Ключевые слова: социальная обусловленность уголовного закона, жестокое обращение с несовершеннолетними, фактическое воспитание.

Abstract: in the context of active criminal lawmaking, the critical legal method of evaluating both the novelties of the law and the provisions that have not been changed is of particular importance. The need for a critical assessment of the latter is caused by the dynamics of social life, an adequate reflection of which forms the essence of the requirement of social conditionality imposed on law in principle and on criminal law in particular. At the same time, the possibilities of an interdisciplinary and intersectoral approach are of particular importance. Thus, the transformation of the institution of the modern family, stated by sociologists, is not taken into account by the legislator, who continues to focus on the nuclear, «traditional» family model, including for the purpose of criminal law protection of the family and minors. This is evidenced, for example, by the range of subjects of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor by parents and other persons to whom this duty is assigned in accordance with the procedure established by law. Outside of it are persons who actually perform duties to raise a minor, which include other relatives and persons who are in a kinship relationship with the victim or who are not. In order to overcome the indicated gap, Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation proposes to use the term «actual upbringing».

Key words: social conditionality of the criminal law, abuse of minors, actual upbringing.

Игнорирование законодателем правовой науки повышает вероятность принятия нормативных актов, отличающихся недостаточным качеством и в содержательном, и юридико-техническом смыслах. К сожалению, результаты «обвального уголовного законодательства» последнего периода подтверждают обоснованность этого тезиса, что само по себе актуализирует востребованность критико-правового метода научных исследований. Раскрывая универсальность критики законодательства, профессор В. М. Баранов, в частности, отмечает, что «ее целью выступает не только выявление дефектов, законодательного материала, но и улучшение существующей правовой ситуации»¹. Дальнейшие рассуждения приводят ученого к выводу: «Междисциплинарное измерение критики законодательства существенно обогащает ее содержание, значительно усиливает аргументацию. Междисциплинарная область критики законодательства базируется на исторических, экономических, политических, социологических, психологических, демографических, культурных и множестве иных факторов»².

Критическая оценка уголовного закона, как в части новелл, так и в части положений, никогда не подвергавшихся изменению, по определению должна иметь междисциплинарный ракурс, что, помимо указанного, вытекает из требования его социальной обусловленности. Соблюдение этого требования есть необходимое условие для констатации адекватности уголовно-правовой нормы фактическим социально-экономическим и политическим реалиям и прогноза ее эффективности.

Вместе с тем требование социальной обусловленности не является исключительным для уголовного права и предъявляется к праву в принципе. Как отмечает В. А. Толстик, «динамика правового содержания не в последнюю очередь обусловлена динамикой общественных отношений, формой отражения которых право, собственно, и является»³. Этой же логике отвечает мысль М. Б. Румянцева о том, что «содержание

правотворческих решений всегда детерминировано потребностями общества...»⁴. Полностью разделяя эту идею, мы, тем не менее, подчеркнем особую значимость соблюдения требования социальной обусловленности применительно к уголовному закону – как в части дополнения его новыми положениями, так и в части изменения уже действующих уголовно-правовых норм. Причина очевидна и вытекает из самой природы уголовного закона как крайнего и наиболее сурового средства противодействия общественно опасному поведению отдельных членов общества: необоснованный уголовный закон есть проявление государственного произвола, допускающего применение самых суровых мер воздействия во исполнение иных, не связанных с противодействием реальным общественно опасным деяниям, целей.

Ставя вопрос о направленности изменений и дополнений уголовного закона, М. В. Бавсун связывает ее с «...совершенствованием его (уголовного закона. – Ю. К.) положений как основных средств противодействия преступности»⁵. И далее автор продолжает: «При этом, говоря о совершенствовании, необходимо заметить, что речь должна идти не о создании некоей идеальной модели закона, а о повышении его способности быть использованным в условиях реальной действительности. Другими словами, он не должен быть “оторван” от основных процессов, протекающих в современном обществе в целом...»⁶.

По большому счету обозначенная идея образует суть требования социальной обусловленности (или обоснованности) уголовного закона. В специальных исследованиях, посвященных этому вопросу, ученые, придавая указанному требованию значение «важного критерия криминализации деяний», основой его рассматривают «...тяжесть последствий и востребованность обществом криминализации данных деяний как способа их предупреждения»⁷. П. С. Дагель в ка-

¹ Баранов В. М. Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39–49.

² Баранов В. М. Указ. соч. С. 39–49.

³ Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

⁴ Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации : монография. Чебоксары : Среда, 2019. С. 288.

⁵ Бавсун М. В. Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 103–108.

⁶ Бавсун М. В. Указ. соч. С. 103–108.

⁷ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Голованова Н. А., Гравина А. А. [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : Ин-т законодатель-

честве субъективного условия криминализации понимал «...осознание объективных потребностей общества в криминализации выявленных общественно опасных деяний»⁸.

Как видим, идея о социальной обусловленности уголовного закона оказывается наиболее востребованной в контексте вопроса о криминализации того или иного общественно опасного деяния. Вместе с тем представляется, что критическое осмысление действующих уголовно-правовых положений также предполагает обращение к указанной идее, суть которой сводится к одному: уголовный закон должен адекватно отражать фактическую социальную ситуацию во всех ее проявлениях и с учетом объективных возможностей механизма нормативного регулирования, что есть само по себе залог эффективности нормы, ее востребованности и применимости правоприменителем.

Перспективность междисциплинарной критики уголовного закона предопределяется также требованием научной обоснованности законодательных решений. Особое значение научных исследований в целях криминализации подчеркивал П. С. Дагель: «Потребности общества в уголовно-правовом регулировании, существующие объективно, до того, как воплотиться в нормах уголовного права, должны быть научно осознаны, и только после этого они превращаются в уголовно-политические требования, которые и реализуются в уголовном законе»⁹.

Совершенно логичной с учетом указанного выглядит постановка учеными вопроса о необходимости нормативного отражения выводов современных социологических исследований института семьи, ориентированных на широкое ее понимание за счет включения лиц разной степени родства и лиц, находящихся в отношениях свойства при условии совместного проживания. В частности, применительно к России социологами отмечается, что «процессы трансформации затронули все сферы жизнедеятельности семьи, породив широкое многообразие моделей семьи, каждая из которых удовлетворяет потребности определенной части российского общества и, следовательно, имеет право на

жизнь. Нормой стали неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети, семьи с неявным лидерством, последовательная полигамия (неоднократное вступление в брак). ... Существует категория сожительствующих индивидов, воспитывающих совместных детей или внебрачных детей одного из партнеров»¹⁰.

Кроме того, проведение социологических исследований само по себе признается «значительным вкладом в изучение социальной обусловленности уголовного закона»¹¹, выявленные социологами в данном случае трансформации института семьи вызывают потребность в осмыслении действующего законодательства с точки зрения адекватности отражения им указанных социальных реалий. По этому поводу приведем рассуждения Е. Г. Комиссаровой: «Действующий закон продолжает охранять тот идеальный нормативный образ семьи, который основан на стабильном и длительном брачном союзе, рассчитанном на логику длительных отношений, где место и статус каждого лица – родителей, ребенка, прародителей – предопределены и закреплены во времени. Ненормативные модели семьи, как и в советское время, для государства пребывают в числе бесперспективных с точки зрения демографического воспроизводства, социально-экономического развития населения и качества детского воспитания»¹².

Представляется, что данный вопрос актуален и для уголовного закона, нормы которого обеспечивают правовую охрану семьи и несовершеннолетних, и в частности – охрану последних от неисполнения обязанностей по воспитанию, соединенному с жестоким обращением.

Ответственность за указанное деяние установлена ст. 156 УК РФ, исходя из которой к субъектному составу следует относить прямо указанных в статье лиц, как то: родитель или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а также педаго-

ства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2018. С. 82.

⁸ Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 69–70.

⁹ Дагель П. С. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁰ Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 43.

¹¹ Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

¹² Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

гический работник или другой работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанный осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Ограничивая круг субъектов рассматриваемого преступления обозначенными выше, законодатель, на наш взгляд, руководствовался следующими соображениями: одна часть субъектов рассматриваемого деяния определена законодателем с учетом профессиональной (служебной) принадлежности лица, предполагающей взаимодействие с несовершеннолетним, в том числе в форме оказания воспитательного воздействия на него. В данном случае имеются в виду отношения не семейного характера, а трудовые отношения с соответствующими обязанностями, в связи с чем к предмету настоящего исследования мы их не относим. Хотя это, конечно, не исключает проблемности вопроса о субъектах анализируемого преступления в данной части.

Для другой части субъектов данного преступления наличие обязанности по воспитанию несовершеннолетних презюмируется в связи с возникновением отношений «родитель – ребенок», в основе которых – факт кровного родства. Приравненными к таким отношениям с учетом действующего семейного законодательства признаются отношения на основе «родства» юридического, когда в результате процедуры усыновления (удочерения) обязанности по воспитанию (как, впрочем, и иные обязанности) возлагаются на лиц, фактически в кровном родстве с несовершеннолетним не состоящих. Реализация этой законодательной конструкции позволяет обеспечить интересы несовершеннолетнего в части семейного воспитания.

Наряду с указанными субъектами к «иным лицам» в целях ст. 156 УК РФ принято относить опекунов (попечителей), которые также после соответствующей установленной законом процедуры принимают на себя обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

В целом подобная логика выглядит вполне обоснованной, поскольку в одном случае родители, а в другом – лица, их заменяющие на основании закона, действительно, оказывают воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, как правило, проживают с ним совместно, а значит, реальная возможность неисполнения или ненадлежащего исполнения соответствующей обязанности, сопряженного с жестоким об-

ращением, в таких отношениях присутствует.

Вместе с тем нам представляется необходимым расширение перечня указанных лиц за счет включения лиц, фактически осуществляющих воспитание несовершеннолетних при условии совместного с ним проживания, если при этом установленная законом процедура возложения обязанности по воспитанию ими не пройдена. К указанным лицам, в частности, относятся отчим (мачеха), дедушка (бабушка), сожитель (сожительница) родителя, старший брат (сестра). В науке также можно обнаружить предложения по включению лиц, не находящихся в отношениях родства или свойства с несовершеннолетним, но осуществляющих его фактическое воспитание и совместно с ним проживающих, например знакомые родителей¹⁵.

Полагаем, что указанные субъекты обладают теми же реальными возможностями совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, что и лица, отвечающие актуальным признакам субъекта данного деяния. Данный вывод вытекает из обращения к тем фактическим взаимодействиям, возникновение которых опосредовано наличием того или иного социального статуса. К примеру, статусы «бабушка» и «дедушка» используются для обозначения других членов семьи определенной степени родства. Однако при отсутствии родителей и совместном проживании сложно отрицать факт возникновения взаимодействий с несовершеннолетним внуком (внучкой), включающих и воспитательную составляющую. Эта же логика выполняется для старших братьев / сестер несовершеннолетнего, статусы которых используются для обозначения круга родственников и степени родства, однако анализ фактических взаимодействий с несовершеннолетними младшими братьями / сестрами при прочих условиях позволяет предположить наличие соответствующей воспитательной составляющей. Что касается статусов «мачеха», «отчим», которые используются для идентификации соответствующих прав, обязан-

¹⁵ См. напр.: Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоград. Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51 ; Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

ностей и ответственности в общественных отношениях, фактически складывающихся между несовершеннолетним и данными участниками, воспитательная компонента здесь более очевидна, поскольку речь идет о лицах, состоящих в зарегистрированных брачных отношениях с кровным родителем несовершеннолетнего, а значит, заменяющих другого отсутствующего биологического родителя. Однако в силу нормативной неоформленности статуса таких субъектов предположение об отнесении их к субъектам неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в рассматриваемом составе преступления вытекает лишь из анализа фактически реализуемых взаимодействий с несовершеннолетним. Схожая ситуация складывается с участием лиц, находящихся в фактических брачных отношениях с кровным родителем несовершеннолетнего – сожителях и сожительницах.

В качестве иллюстрации обратимся к материалам судебной практики.

Так, по одному из дел судом было установлено, что в течение длительного времени в трезвом состоянии и состоянии алкогольного опьянения Мутогарова совместно со своим сожителем Баклановым подвергали малолетнего М., являющегося сыном Мутогаровой, истязаниям, издевательствам и мучениям, наказывая его по любому малозначительному поводу, нанося ему удары руками, ногами, различными предметами (резиновый шланг, ремень, металлическая шумовка и т. п.), ограничивая свободу ребенка, лишая пищи, выставляя на холод, заставляя купаться в студеной воде. После констатации факта совместного избиения малолетнего М. Мутогаровой и Баклановым, повлекшего смерть потерпевшего, суд квалифицировал действия Мутогаровой п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 156 УК РФ¹⁴, а действия Бакланова – п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁵. Важно отметить, что при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанцией были отмечены фактические брачные отношения подсудимых,

их совместное проживание с потерпевшим, а также тот факт, что «...**ложно понимая интересы воспитания ребенка**, осознавая, что любые действия по физическому наказанию малолетнего ребенка могут причинить вред его психическому и физическому здоровью, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде психического расстройства малолетнего и желая этого, **подвергали его истязаниям, издевательствам и мучениям, наказывая по любому малозначительному поводу путем неоднократного применения насилия, которыми причиняли физические, психические и нравственные страдания**, Б. использовал при этом предметы в качестве оружия»¹⁶ (выделено нами. – Ю. К.).

Обращает на себя внимание констатация судом фактически сложившихся взаимоотношений между сожителем Баклановым и потерпевшим сквозь призму интересов воспитания последнего.

По другому аналогичному с содержательной стороны уголовному делу, Бугорковой – матери несовершеннолетнего потерпевшего П., помимо прочих деяний, результатом одного из которых стала смерть потерпевшего, суд также вменил ст. 156 УК РФ, тогда как отчиму потерпевшего, принимавшему непосредственное участие в совершении данных деяний, обвинение в совершении данного преступления предъявлено не было. В частности, судом установлено, что «Бугорковы, действуя совместно, с использованием предметов, руками и ногами, нанесли большое количество ударов П., осознавали, что причиняют ему особые страдания и мучения, поскольку заведомо для виновных был не способен в силу возраста (чуть больше 5 лет) защитить себя от превосходящих по физической силе взрослых... Согласно выводам судебно-медицинской экспертизы, установившей наличие на погибшем П. телесных повреждений, причиненных ранее, за 7–10 суток до наступления смерти, показаний малолетней потерпевшей Л., пояснившей о постоянном применении физического насилия со стороны матери и отчима в отношении нее и ее брата, П., свидетеля Б., педагога-психолога в детском доме, судом верно сделан вывод о квалификации действий Бугорковых по ст. 112 и ст. 117 УК РФ со всеми квалифицирую-

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2023 г. по делу № 67-УД23-24-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 мая 2023 г. по делу № 55-294 / 2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹⁶ Приговор Новосибирского областного суда от 14 февраля 2023 г. № 2-5/2023 (2-34/2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щими признаками, установленными на основе выявленных обстоятельств избиения и применения физического насилия к детям. Также обоснованно в действиях осужденной Бугорковой суд усмотрел требующее отдельной, самостоятельной квалификации ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, соединенное с жестоким обращением к детям»¹⁷. Столь подробная выдержка из определения суда позволяет оценить тот факт, что общественно опасные действия в отношении потерпевшего его мать и отчим совершали совместно, однако объем обвинения различен в силу пробельности уголовного закона.

В свете ст. 156 УК РФ схожесть приведенных примеров заключается в том, что в одном случае сожитель, а в другом – отчим фактически совершают те же действия, что и мать потерпевшего, возможность чего обусловлена статусным положением указанных лиц и вытекающими из него реальными взаимоотношениями с другими членами семьи в рамках совместного проживания. В силу своего статуса указанные лица получают физический доступ к потерпевшему несовершеннолетнему, а тот факт, что они занимают место биологического отца, предопределяет особенности восприятия фигуры виновного как самим несовершеннолетним, так и окружающими. Иными словами, поскольку в бытовом смысле институт семьи понимается гораздо шире, чем в легальном, указанные лица оказываются фактически наделенными всеми обязанностями кровного родителя, отсутствующего по той или иной причине, и именно в таком авторитетном амплуа воспринимаются потерпевшими, особенно малолетними, хотя, конечно, не без исключений. Как отмечает С. И. Осмоловская, «...семейное законодательство к числу других членов семьи относит отчима и мачеху, что подразумевает под собой не только совместное проживание и ведение хозяйства с родителем ребенка, но и осуществление мер по компенсации пасынку или падчерице отсутствия родного отца или матери, включающее в себя постоянное общение с ребенком, а следовательно, и участие в их воспитании»¹⁸. Этой же позиции придержи-

вается Н. В. Копыткова: «Именно на основе свойства в силу семейных отношений отчим и мачеха осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетних пасынков и падчериц. Можно с уверенностью утверждать, что в таких случаях образуются связи аналогичные отношениям между родителями и детьми»¹⁹.

Несмотря на то что «...юриспруденция не может не учитывать того факта, что в современном мире межличностные связи ребенка и взрослого, выполняющего по отношению к нему родительские обязанности, могут быть не всегда зависимы от биологического или юридического родительства»²⁰, в связи с пробельностью ст. 156 УК РФ в части субъектного состава привлечь указанных лиц к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не представляется возможным.

В связи с этим возникает резонный вопрос: можно ли требовать надлежащего исполнения какой-либо обязанности при невозложении ее на лицо в установленном законом порядке? С одной стороны, мы понимаем логику законодателя и соглашаемся с ней: формализация соответствующей процедуры в законе сама по себе есть гарантия для возможного оспаривания ненадлежащего исполнения этой обязанности управомоченным на то лицом. Однако, с другой стороны, игнорировать складывающиеся в социальной реальности ситуации непростительно, тем более что речь идет не просто о неисполнении или ненадлежащем неисполнении обязанностей по воспитанию, а о жестоком обращении в рамках отношений, максимально приближенных к семейным. Особенность таких отношений заключается не только в том, что в их рамках обеспечивается физический доступ более старшего по возрасту лица к зависимому от него несовершеннолетнему, но и «закрытость» данных отношений, что позволяет, как минимум, длительный период оставлять подобно-го рода обращение без огласки. В приведенном

шение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 3. С. 266–270.

¹⁹ Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права : история и современность : сб. трудов конф. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

²⁰ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2024 г. по делу № 18-УД24-22-А3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Осмоловская С. И. К вопросу о видах специально-го субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совер-

выше примере из судебной практики осужденный Бакланов, являясь сожителем кровной матери потерпевшего, применял к нему насилие в течение нескольких лет.

Проблема субъектного состава анализируемого преступления вызывает живое обсуждение в доктрине, причем высказываемые авторами позиции относительно ее решения часто взаимоисключают друг друга: в ответ на предложение согласиться с законодательной логикой и требовать надлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в случае возложения их в установленном законом порядке²¹ приводятся контраргументы в обоснование расширения круга указанных субъектов. В частности, анализ высказанных в науке точек зрения по данному вопросу позволил Ю. А. Западновой заключить о необходимости и целесообразности предусмотреть «...в диспозиции ст. 156 УК РФ в качестве субъекта иное лицо, совместно проживающее с несовершеннолетним и фактически осуществляющее надзор за ним»²².

Полагаем, что речь все же необходимо вести не о надзоре, а именно о фактическом воспитании. Несмотря на неопределенность последнего термина²³, понятие фактического воспитания и воспитателя известно и действующему законодательству, и правовой науке. Используя термины «фактический воспитатель» и «лица, осуществлявшие фактическое воспитание» в качестве синонимов, законодатель установил пятилетний срок и надлежащий характер воспитания в качестве условий признания данного правового статуса лица в целях взыскания алиментов с совершеннолетних воспитанников (ст. 96–97 Семейного кодекса РФ). На наш взгляд, это свидетельствует о невосприимчивости актуальным семейным законодательством социальных реалий, не придавая иного правового значения рас-

пространенной ситуации длящихся отношений между совместно проживающим взрослым и несовершеннолетним, кроме как в связи с алиментными обязанностями. Каких-либо иных последствий, кроме алиментных, установление этого статуса не влечет, что вытекает из содержания Семейного кодекса РФ.

Отметим также и тот факт, что в рамках трудового законодательства используется понятие лиц с семейными обязанностями, к которым согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ могут быть отнесены «...работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя); другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях, прямо предусмотренных законом (часть вторая статьи 256 ТК РФ)...»²⁴. Обращая внимание на обоснованность расширения в данном случае «рамки семьи», Н. Ф. Звенигородская объясняет это социальной значимостью «...дела, которое предстоит выполнить членам семьи, начиная с ухода за ребенком и его воспитания и заканчивая формированием личности достойного гражданина нашей страны»²⁵. Для целей настоящего исследования это важно постольку, поскольку свидетельствует не просто об осведомленности законодателя о существовании широкого подхода к определению института семьи, но и его легализации в целях обеспечения прав и интересов граждан в сфере личных имущественных прав в семейной и трудовой сферах.

Что касается науки, здесь ситуация следующая: несмотря на социологические данные, подтверждающие широкое распространение моделей семьи, отличающихся от нуклеарной, взятой за образец законодателем, проблема определения статуса фактического воспитания и воспитателя даже на исследовательском уровне остается маловостребованной авторами: «Ни настоящего научного интереса, ни активных дискуссий по проблеме, ни ощутимой динамики науч-

²¹ См., например: Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети – жертвы семейного насилия : ответственность за «родительские» преступления // Рос. юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

²² Западнова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 60–65.

²³ См., например: Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

²⁴ О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2024 г. № 1 // Рос. газета. 2014. № 27.

²⁵ Звенигородская Н. Ф. Лица с семейными обязанностями как субъекты российского права // Вестник С.-Петерб. юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 50–57.

ного знания не наблюдается»²⁶. Более того, при том что проблемы, связанные с формализацией в законе узкого понимания семьи, известны довольно значительный период, в фокусе современной науки она не находится, заняв место на ее периферии.

Тем не менее в ряде работ авторы обращаются к проблеме фактического воспитания с позиций семейно-правовой доктрины. В частности, Е. Г. Комиссарова суть данного явления определяет как «...продолжение воспитания семейно-родительского, возникающее по воле родителей или (в ситуациях невозможности ее проявления) “по умолчанию” родителей»²⁷. Е. А. Татаринцева отмечает, что «...фактические воспитатели осуществляют родительские права, перечень которых предусмотрен СК РФ»²⁸. З. И. Воронина, указывая на «...широкое распространение на практике фактического воспитания», подчеркивает необходимость получения им «правового обоснования»²⁹.

Определенные усилия в данном направлении законодатель предпринял посредством введения в ч. 1 ст. 63 УК РФ пункта «п», содержащего новое обстоятельство, отягчающее наказание: «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней)... лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней)». Указанная категория субъектов выделяется наряду с иными участниками семейных и иных правоотношений – «родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней)». Однако в данном случае учет его возможен в целях индивидуализации ответственности, что, очевидно, не способно компенсировать пробельность закона и отсутствие возможности квалифицировать совершенное виновным деяние путем применения соответствующей нормы Особенной части уголовного закона. Очевидна, кроме того, и нетождественность понятия «лицо,

совместно проживающее с несовершеннолетним» понятию «лицо, фактически исполняющее обязанности по воспитанию несовершеннолетнего»: совместное проживание не означает фактическое осуществление обязанностей по воспитанию, тогда как фактическое воспитание всегда сопряжено с совместным проживанием с несовершеннолетним какой-то период.

В заключение приведем слова Ю. Ю. Ветютнева о том, что «законодатель обязан изучать объективные закономерности не с той целью, чтобы напрямую перенести их в содержание закона, а с тем чтобы на основании этих закономерностей найти рациональные способы удовлетворения нужд и потребностей общества»³⁰. Тем не менее на сегодняшний день необходимость учета трансформаций института семьи на нормативном уровне, диктуемая логикой текущего социального развития, остается не осознанной законодателем. В связи с этим полагаем, что расширение круга субъектов преступления, ответственность за которое установлена ст. 156 УК РФ, должно происходить посредством включения в перечень именно фактических воспитателей. К ним следует относить отчима (мачеху), дедушку (бабушку), сожителя (сожительницу) родителя, старшего брата (сестру), совместно проживающих с несовершеннолетним. При этом использование термина «иное лицо, фактически исполняющее обязанности по воспитанию несовершеннолетнего» в целях расширения субъектного состава преступления ст. 156 УК РФ отвечает идее о «доминирующей тенденции правового развития в переходе от казуистического правового регулирования к абстрактному (обобщающему)»³¹, тогда как попытка перечисления лиц, подпадающих под указанное определение, соответствует обратно направленному движению к умножению казуистических норм в уголовном законе.

Библиографический список

Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети – жертвы семейного насилия : ответственность за «родительские» преступления // Рос. юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

Бавсун М. В. Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства

²⁶ Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка : проблемы семейно-правовой институционализации // Право : журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

²⁷ Комиссарова Е. Г. Указ. соч. С. 130–153.

²⁸ Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 115.

²⁹ Воронина З. И. Указ. соч. С. 98–102.

³⁰ Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности : вопросы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 169.

³¹ Толстик В. А. Указ. соч. С. 164–171.

оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 103–108.

Баранов В. М. Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39–49.

Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоград. Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.

Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности : вопросы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 204 с.

Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 69–70.

Западнава Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 60–65.

Звенигородская Н. Ф. Лица с семейными обязанностями как субъекты российского права // Вестник С.-Петерб. юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 50–57.

Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственно (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка : проблемы семейно-правовой институционализации // Право : журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права : история и современность : сб. трудов конф. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Голованова Н. А., Гравина А. А. [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

Осмоловская С. И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 3. С. 266–270.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. 299 с.

Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации : монография. Чебоксары : Среда, 2019. 323 с.

Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 134 с.

Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

References

Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Child victims of family violence : responsibility for «parental» crimes // The Russian justice system. 2020. No. 12. P. 47–51.

Bavsun M. V. Changes and additions to criminal legislation as necessary means of optimizing the criminal legal impact on crime // Society and law. 2009. No. 3 (25). P. 103–108.

Baranov V. M. Criticism of legislation as a universal direction and a special kind of legal analytics (doctrine, practice, technique) // Legal technique. 2024. No. 18. P. 39–49.

Baturina N. I., Medvedev I. M. The grounds for the emergence of relations on the actual upbringing of a child and the circle of persons belonging to the actual educators according to the Family Code of the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (44). P. 46–51.

Vetyutnev Yu. Yu. State-legal patterns: issues of theory and methodology : cand. legal sci. dis. Volgograd, 2004. 204 p.

Voronina Z. I. Institute of factual education in family law // Izvestia of higher educational institutions. Law studies. 1992. No. 5. P. 98–102.

Dagel P. S. Conditions for establishing criminal liability // News of higher educational institutions. Law studies. 1975. No. 4. P. 69–70.

Zapadnova Yu. A. Non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor : problems of establishing signs of a special subject of crime // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 6. P. 60–65.

Zvenigorodskaya N. F. Persons with family responsibilities as subjects of Russian law // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2016. No. 4 (33). P. 50–57.

Komissarova E. G. The doctrine of direct (actual) parenthood in Russian and foreign family law // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 56. P. 208–238.

Komissarova E. G. Relations on the actual upbringing of a child : problems of family and legal institutionalization // Pravo : Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 1. P. 130–153.

Kopytkova N. V. Duties of a stepfather and stepmother for the upbringing of stepsons and stepdaughters // The evolution of state and law : history and modernity : proceedings of the Conference. Kursk, 2017. Part 2. P. 63–65.

Krasnova T. V. Education as a unique legal phenomenon and problems of its modern legal definition // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2016. No. 9. P. 102–106.

Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation : monograph / V. P. Kashepov, N. A. Golovanova, A. A. Gravina [et al.] ; ed. V. P. Kashepov. Moscow : Institute of Legislation

and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : CONTRACT, 2018. 280 p.

Osmolovskaya S. I. On the question of the types of special subject of involving a minor in the commission of a crime // Problems of economics and legal practice. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 266–270.

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Family in the system of social institutions of society : studies. a handbook for undergraduate and graduate studies. 2nd ed., trans. and add. Moscow : Yurayt Publishing House, 2019. 299 p.

Rumyantsev M. B. Lawmaking in the Russian Federation : monograph. Cheboksary : Wednesday, 2019. 323 p.

Savenok A. L. Social conditionality of the criminal law // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. No. 1 (21). 2011. P. 130–135.

Tatarintseva E. A. Models of legal relations for the upbringing of a child in a family and trends in their formation in national family law : monograph. Moscow : Justicinform, 2018. 134 p.

Tolstik V. A. On the issue of the validity of changes in legislation // Legal technique. 2023. No. 17. P. 164–171.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Пермь)

Караваева Ю. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Поступила в редакцию: 18.11.2024

Для цитирования:

Караваева Ю. С. О необходимости расширения круга субъектов уголовно наказуемого неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 187–196. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/187-196>

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Perm)

Karavaeva Yu. S., PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Civil and Business Law Department

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Received: 18.11.2024

For citation:

Karavaeva Yu. S. On the need to expand the range of subjects of criminally punishable non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 187–196. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/187-196>